

О судьбахъ Россіи

Помѣщая въ прошлой — и въ этой — книгѣ статьи К. І. Зайцева и Г. П. Федотова, редація «Современныхъ Записокъ» оговорила свое «рѣшительное расхожденіе» съ первымъ авторомъ и свое «несогласіе» по вопросу о диктатурѣ — со вторымъ.

Къ обсужденію экономической стороны земельной проблемы, въ освѣщеніи которой мы рѣшительно расходимся съ К. І. Зайцевымъ, журналъ вернется, конечно, еще не разъ. Сейчасъ мы остановимся только на государственно-правовой и политической сторонѣ вопроса, которая, при всемъ различіи темъ, подхода и устремленій обоихъ авторовъ, оказывается у нихъ все же схожей.

Хотя К. І. Зайцевъ говорить о землѣ, а Г. П. Федотовъ — о власти; одинъ — преимущественно о прошлыхъ судьбахъ Россіи, а другой — о Россіи будущей, оба они одинаково говорятъ о диктатурѣ, хозяйственной и политической. И, что еще существеннѣе, оба они говорятъ о диктатурѣ не только какъ о «причинной необходимости», въ порядкѣ изъясненія неизбежнаго и фактическаго, но и оправдываютъ диктатуру, какъ нѣкую морально-правовую и историко-государственную «цѣлесообразность».

Это позволяетъ, говоря о взглядахъ того и другого автора отдѣльно, все же сблизить ихъ, какъ явленіе политически одного порядка.

І. О землѣ.

Статья К. І. Зайцева поражаетъ въ тройкомъ отношеніи: своимъ методомъ — сверхъ-идеалистическимъ и доктринерски-правовымъ подходомъ къ истокванію земельныхъ судьбъ Россіи; затѣмъ своеобразнымъ пониманіемъ режима права и свободы; и,

наконецъ, необычайной, даже для поклонниковъ Столыпина, переоцѣнкой его историческаго «дѣла» при одновременной, столь же необычной, особенно для исполненныхъ пѣтета къ царствовавшему въ Россіи дому, недооцѣнкой дѣла царя-Освободителя.

Можно не быть сторонникомъ матеріалистическаго пониманія исторіи и вовсе не надо объяснять всякое явленіе непременно по-марксистски, дѣйствіемъ исключительно классовыхъ мотивовъ и интересовъ. Но было бы противоположной и столь же вредной крайностью — просто игнорировать дѣйствіе матеріальнаго фактора, прямой хозяйственной заинтересованности, личной и групповой, которою исторія, конечно, не исчерпывается, но движется и опредѣляется. Между тѣмъ главной причиною всего нестроения Россіи XIX и XX вѣка К. Зайцевъ считаетъ мысль, «несчастную» и «юридически несообразную» о томъ, что помѣщикъ — частный собственникъ владѣемой имъ земли. Укоренившись въ сознаніи помѣщиковъ и крестьянъ, эта мысль и сыграла будто бы главную и «роковую роль» во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ. Ибо и правительство, «гнинотизированное «собственнической» теоріей помѣщичьяго землевладѣнія», уклонилось отъ публично-правового регулированія крѣпостнаго состоянія, а перенло и удовольствовалося, въ 1861 г. и въ послѣдующія десятилѣтія, фактическимъ и внѣправовымъ надѣленіемъ крестьянъ землей.

Отъ нея, отъ этой зловредной «собственнической, насквозь частнохозяйственной, точки зрѣнія на помѣщичьи землевладѣнія», — всѣ бѣды и зло; въ частности то, что неограниченная хозяйственная диктатура помѣщика пережила въ Россіи всѣ положенныя для нея исторіей сроки, сохранившись и тогда, когда въ ней «утрачивалась неустраимая государственная необходимость». Ею же объясняетъ Зайцевъ и тотъ «трагическій фактъ», что русское крѣпостное право оказалось лишь правомъ дворянъ, а для крестьянъ навсегда осталось лишь внѣправовымъ крѣпостнымъ состояніемъ. И въ Московской Русси вотчинникъ-феодалъ не былъ «квиритскимъ частнымъ собственникомъ». Совершенно напрасно возомнилъ онъ себя таковымъ послѣ дворянскаго «освобожденія» въ 18 вѣкѣ, истолковавъ свое освобожденіе отъ обязательной ратной службы, какъ переводъ его на землевладѣнію въ область частнаго права. Напрасно и столѣтіемъ позже

«каждый самый либеральный помѣщикъ» разсматривалъ освобожденіе крестьянъ, какъ освобожденіе отъ его помѣщичьей власти, а вопросъ о землѣ, какъ независимый отъ личнаго освобожденія и опирающійся на неколеблемый принципъ принадлежности земли помѣщику на началахъ квиритской собственности.

Именно эта мысль и эта точка зрѣнія, а не что-либо другое, и наложили, по мнѣнію Зайцева, «печать правовой неправды и экономической нецѣлесообразности на самую реформу 1861 г.»

Историкъ земельного строя не удовлетворяется тѣмъ, какъ понимала созидаемый ею строй власть и какъ воспринимало его заинтересованное населеніе, — «командующій» помѣстный классъ и подопечное крестьянство. Въ прямое отрицаніе правосознанія населенія и не считаюсь съ заявленіями и мѣропріятіями законодателя онъ толкуетъ событія, прилагая къ нимъ черезъ десятки и сотни лѣтъ мѣрку собственнаго, какъ мы увидимъ невѣрнаго, пониманія права.

Вся русская исторія — официальная власть и правосознаніе населенія, русская исторіософія и общественное самосознаніе — говорить противъ схемы Зайцева, произвольной и взятой изъ головы. И единственное, что онъ могъ привести въ ея подкрѣпленіе, это — «особое мнѣніе русскаго крестьянства», формулированное «гениальнымъ» самочкой, «крестьяниномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ мужемъ» Посошковымъ, и оставшійся «одинокимъ» и «похороненнымъ въ архивной пыли» указъ Павла I о трехдневной барщинѣ!. Указъ полоумнаго «мужичьяго» царя *) — единственный, по мнѣнію Зайцева, актъ русскаго законодательства, который идетъ по пути публично-правового регулированія крѣпостного строя и превращенія крестьянъ не больше-не меньше, какъ въ «субъектовъ права»! Въ актѣ 5 апрѣля 1797 г. былъ

*) Оффивизъ му како побіе Пѣвля, вѣде помѣить, что икогда не производилъ раздача населенныхъ земель въ частныя руки въ тѣхъкихъ размѣрахъ, какъ при этомъ прослѣженномъ независимкѣ дворянъ. За 4 съ небольшимъ года своего вѣствованія Павелъ роздалъ въ частную собственность свыше полумиліона крѣпостныхъ душъ, то-то какъ дале Екатерина, извѣстная своей щедростью, оладившая и издержки по перевороту, и чередующихся фаворитовъ, и прочую службу государынѣ, роздала всего около милліона крестьянъ за 34 года своего царствованія!..

«ключъ къ разрѣшенію всѣхъ вообще правовыхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ». И въ 61-мъ году достаточно было опереться на этотъ указъ, какъ на «нѣкую юридическую конституцію существующихъ крѣпостныхъ отношеній», чтобы найти главное для нашего историка — «строго юридическое разрѣшеніе вопроса».

К. Зайцевъ чрезвычайно преувеличиваетъ историческое и реальное значеніе указа о трехдневной барщинѣ. Указъ, дѣйствительно, пытался опредѣлить взаимоотношенія между помѣщиками и владѣльческими крестьянами установленіемъ «высшей нормы крестьянскаго труда въ пользу помѣщика», какъ выражается Ключевскій. Но когда Зайцевъ беретъ этотъ указъ за отправной пунктъ своей «собственнической» схемы, онъ толкуетъ его не въ его прямомъ смыслѣ, а отъ обратнаго. Трехдневная барщина ограничивала норму крестьянскаго труда въ пользу помѣщика, а Зайцевъ утверждаетъ, что ею ограничивалась помѣщичья собственность на землю. Отсюда и выводъ отъ обратнаго, якобы «логически вытекающій», — право крестьянина на землю, къ которой онъ прилагалъ свой трудъ въ дни свободные отъ барщины («Совр. Зап.» № 45, стр. 438).

Если бы авторы и творцы крестьянскаго освобожденія поняли въ 61-мъ году то, что понималъ сейчасъ К. Зайцевъ, они ограничились бы, по мнѣнію послѣдняго, разрѣшеніемъ правовой тяжбы между помѣщиками и крестьянами, а не задавались бы цѣлью устройства быта того и другого сословія. Оба сословія оказались бы юридически разверстаны и стояли бы другъ противъ друга, какъ свободные и равноправные контрагенты, связанные на этотъ разъ уже навсегда только и исключительно узами частнаго права. Крѣпостной строй былъ бы въ такомъ случаѣ разбитъ окончательно, ибо — Зайцевъ совершаетъ тутъ головокружительный прыжокъ изъ отвлеченно-правовой сферы въ сферу хозяйственныхъ отношеній — открылась бы возможность «свободной мобилизаціи земли и свободной дифференціаціи крестьянства»...

Творцы реформы 61 года были далеки отъ этой мысли, они оказались во власти собственнической теоріи, и потому «освобожденіе» было мнимымъ, заключеннымъ Зайцевымъ въ кавычки, «такъ называемымъ», отъбеченнымъ «глубокой и роковой ошибочностью». Это еще до

Зайцева понялъ Столыпинъ. Его и считаетъ Зайцевъ подлиннымъ и окончательнымъ освободителемъ крестьянъ въ то «яркое, блистательное и смутное десятилѣтіе», которое предшествовало революціи 17 года...

*
**

Доктринерски-предвзятая методологія К. Зайцева опирается на право. Она апеллируетъ къ «правовой правдѣ», которая не есть ни право, ни правда не только на нашъ нынѣшній взглядъ, но и въ ощущеніи населенія 17-19 вѣковъ.

«Государевъ крѣпостной уставъ» Московской Руси Зайцевъ считаетъ совмѣстимымъ съ идеей права, а «крестьянскую собственность» — оправдываемой «морально-политически». Онъ говоритъ о «моральномъ искаженіи», «кривомъ зеркалѣ» и «деградациі» душе владѣнія во второй половинѣ 19 вѣка, считая рабовладѣніе въ условіяхъ «патріархально отческой диктатуры» 18 вѣка «сравнительно безобидной фразологіей»!..

Крѣпостной укладъ, который еще въ 1857 г. Герценъ характеризовалъ — «дворовыхъ съкутъ дома, съкутъ въ полицію, крестьянъ съчеть баринъ, съчеть управляющей, съчеть староста, люди-вещи, люди-заклады, крѣпостные серали, продажныя семьи, изнасилованныя женщины», — этотъ самый укладъ кажется Зайцеву оправданнымъ, «поскольку онъ былъ повелительно вынужденъ». Онъ утратилъ свое оправданіе и для Зайцева въ условія хозяйственной демобилизаціи 18 вѣка. Но это не значитъ, по его мнѣнію, что крестьянъ надо было освободить уже въ 18 вѣкѣ. Нѣтъ! «Вопросъ стоитъ гораздо сложнее (!). «Освобожденіе» крестьянъ въ рамкахъ крѣпостного строя вообще было безпредметно (?)» *).

Чтобы оцѣнить всю мѣру условности такого морально-политического подхода, полезно сопоставить его съ общей философій публично правового властвованія, которую даетъ Зайцевъ въ заключеніе своего очерка.

*) Эта «безпредметность» напоминаетъ «дней Александровыхъ прекрасныя начатія», когда конституціонныя мечтанія разбивались о реальность рыбскаго состоянія, а послѣднее объ отсутствіе просвѣщенія и свободы.

Оказывается «для всякаго публично-правового властвованія характерно начало цѣлевой осмысленности и цѣлевой связанности. Всякая публичная власть есть служеніе и не только служеніе, совмѣстно съ подвластными, какимъ-то общимъ цѣнностямъ и цѣлямъ, но, въ какой-то мѣрѣ и смыслѣ, и служеніе своимъ подвластными. (Достаточно примѣнить это положеніе къ властвованію большевиковъ, чтобы стала самоочевидной неосновательность этой философіи. — М. В.). Знаменитый принципъ этики Канта, согласно которому человѣкъ никогда не можетъ быть средствомъ, а всегда является цѣлью, является руководящимъ началомъ не только автономной морали, но и всякаго подлиннаго публично-правового властвованія. Монархъ, помѣщикъ не только властвуютъ надъ своими подвластными членами государства, помѣстья или семьи, но и служатъ имъ»...

И все это будто бы было при «неизвращенномъ» крѣпостномъ строѣ! Все это будто бы могло быть при «государевомъ крѣпостномъ уставѣ»?! И «человѣкъ-вещь» являлся «самоцѣлью» крѣпостника, по Канту?! Все это было при Петрѣ, при Биронѣ, Екатеринѣ, Павлѣ, Николаѣ?

Можно поставить вопросъ и въ болѣе общей формѣ: могли ли взаимоотношенія между помѣщиками и крестьянами вообще пріобрѣсти правовой характеръ въ рамкахъ хозяйственной и всяческой иной помѣстно-крѣпостной и самодержавной диктатуры? «Повелительная нужда» иногда можетъ оправдать и произволь. *Not kennt kein Gebot*. Но это не значить, что произволь въ такомъ случаѣ становится правомъ или можетъ быть выданъ за право. Кто не знаетъ безнадежныхъ попытокъ самодержцевъ и ихъ легистовъ сочетать самовластіе съ началами законности и права! *). Еще болѣе утопична мысль и помѣщичье само-

*) Напримеръ, историческій «Наказъ» Екатерины II и ея «поправки» къ Монтескье — «Мысль о сочетаніи самодержавія съ началами правотѣрной свободы лежала въ основѣ многихъ русскихъ политическихъ проектовъ конца XVIII и начала XIX ст», — пишетъ А. А. Кизеветтеръ въ Научныхъ трудахъ Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ 1928. Т. I, стр. 77 «И во второй половинѣ XIX ст. находились еще теоретики-государствовѣды, которые стремились прикрыть эти противорѣчія латинной хитрасплетенныхъ юридическихъ софизмовъ». — Нужны были такіе революціи, чтобы аналогичная попытка была порождена русскими государствовѣдами въ XX столѣтіи!

власти уложить въ термины права и личной свободы. То, что Зайцевъ выдаетъ за право, онъ беретъ не изъ общихъ принциповъ права и свободы, не изъ народнаго правоощущенія, даже не изъ того, что признавала законодательная власть, въ процесѣ властвованія конкурировавшая съ началами права и свободы. Онъ беретъ его изъ содержания своего политическаго сознанія. Только потому и могло получиться, что «русскую свободу» Зайцевъ датируетъ 18 февраля 1762 г., т. е. днемъ изданія знаменитаго указа о вольности дворянства. Свобода и право дворянскія здѣсь совершенно явно отождествлены со свободой и правомъ общерусскими. Зайцева не смутило нисколько и то обстоятельство, что эта вновь обрѣтенная «русская свобода» не помѣняла матушкѣ Екатеринѣ ту же прежняго завинтить крѣпостной винтъ и санкціонировать на Украинѣ тѣ отношенія крѣпостной зависимости, которыя создавались фактически усиліями войсковой казацкой старшины.

Между тѣмъ какъ разъ раскрѣпощеніемъ привилегированнаго сословія при еще болѣе тяжкомъ закрѣпощеніи сословія подлаго и должно быть датировано то окончательное раздвоеніе морально-политическаго, правочного и всякаго иного сознанія, которое привело въ конечномъ счетѣ къ революціи. Государству, которое стало «пухнуть», противопоставленъ былъ народъ, которому не оставалось ничего другого, какъ только «хирѣть». Тѣ которымъ нужна была «Великая Россія» или, по выраженію Зайцева, «великодержавное самоутвержденіе Россіи», стали — не перестаютъ до сего дня — противопоставлять себя тѣмъ, которымъ будто бы нужны «великія потрясенія» сами по себѣ.

*
**

Въ чемъ ни усматривать историческую разумность или цѣлесообразность двухъ-яруснаго закрѣпощенія всѣхъ разрядовъ населенія Московской Руси обитателей нижняго яруса («людей волостныхъ» и «людей посадскихъ») для того, чтобы и жители верхняго яруса несли свою обязательную службу государству, — къ концу 18-го вѣка всякое морально-правовое основаніе къ тому отпало. Интересы отдѣльныхъ сословій замѣтно и далеко разошлись

еще въ царствованіе Петра. Пржежня «совокупная государственная дѣятельность сословій исчезаетъ». Какъ описываетъ этотъ процессъ Клачевскій: «Одно сословіе все рѣшительнѣе становится во главѣ общества, не только служить правительственнымъ органомъ, но и само дѣлаетъ правительства». Система социальнаго равновѣсія рушится вмѣстѣ съ достиженіемъ всѣхъ цѣлей, которыми послѣдующая исторіософія обыкновенно объясняла и оправдывала и самое самодержавіе, и его систему всеобщаго закрѣпощенія государевой службѣ и землѣ.

Давно уже была доведена до побѣднаго конца борьба царя съ русскими «феодалами», съ удѣльными князьями и вѣчевыми домогательствами; закончилась побѣдой и его борьба съ Церковью и соперничество съ патриархомъ; завершились успѣхомъ и «собираніе» земли и «борьба со степью», освоеніе внутренней территоріи и колонизація окраинъ. Русскій абсолютизмъ перешелъ уже отъ примитивно полницкаго, «приказнаго» строя первыхъ Романовыхъ къ «просвѣщенному» абсолютизму Петра и Екатерины. Помѣстная служба государству «конно, людно и оружно» уже отжила свое время и была упразднена закономъ. Но государево пожалованіе землей и душами и помѣщицье душевладѣніе остались непоколебимо, даже усилившись въ жестокости и численности. И на полтора столѣтія осталось неоправданнымъ и по существу повисло въ воздухѣ теократическое, патриархально-вотчинное властвованіе надъ людьми, какъ государственнымъ холодами и сиротами *).

*) Эта схема считалась, можно сказать, общими мѣстомъ въ русской исторіософіи. Ея не поколебали для историковъ-специалистовъ даже пореволюціонныя настроенія. Сошлюсь хотя бы на изданную проф. **Е. Шмурло** въ Мюнхенѣ въ 1922 г. «Исторію Россіи». На стр. 368 этого труда мы читаемъ: «До сихъ поръ (до манифеста Петра III) оставалось по крайней мѣрѣ формальное основаніе оправдывать прикрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками — во имя **общаго** служенія государству; теперь же, въ глазахъ крестьянъ, оно стало исключительно дворянской привилегіей и потому превращалось въ несправедливость. Послѣдняя почувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отяготительныя формы приняло крѣпостное состояніе за послѣдніе полвѣка. Крестьяне ждали, что свободу получатъ и они; но свободы они не получали, наоборотъ, петля рабства затягивалась все сильнѣе. Недовольство перешло въ волненіе, и послѣдующее царствованіе императрицы Екатерины ознаменовалось рядомъ крестьянскихъ бунтовъ» и т. д.

И тутъ необходимо подчеркнуть одну очень существенную ошибку, допущенную К. I. Зайцевымъ въ своемъ построении. Онъ упускаетъ изъ виду или сознательно не дооцѣниваетъ факта личнаго закрѣпощенія крестьянъ помѣщику. Сосредотачивая вниманіе на зависимости крестьянъ отъ земли и подчеркивая, дѣйствительно значительную, роль государственной власти въ установленіи крѣпостной зависимости, Зайцевъ проходитъ мимо того, что самая эта зависимость возникла на почвѣ частныхъ правовыхъ, имущественныхъ и юрисдикціонныхъ, отношеній къ владѣльческимъ крестьянамъ. Какъ будто онъ не знаетъ, что лишенная всякихъ элементовъ публично-правового характера вотчина старѣе помѣстья, и именно въ вотчинѣ складывалась исторически крѣпостная крестьянская зависимость. Это фактъ основоположный для всей исторіи русскихъ судебъ, земельныхъ и политическихъ.

К. Зайцевъ совершаетъ и другую элементарную, но совершенно недопустимую ошибку: не различаетъ поземельное прикрѣпленіе крестьянъ и крѣпостное право. Первое было государственнымъ мѣропріятіемъ, второе — право человѣка на личность другого — возникло первоначально въ силу частнаго юридическаго акта. Крѣпость отдавалъ крѣпостного, по выраженію Свода Законовъ, «въ частную власть и обладаніе» господина независимо отъ отношенія крѣпостного къ землѣ.

На основаніи поземельныхъ договоровъ и порядныхъ записей 16 вѣка, Ключевскій установилъ, что «какъ на казенныхъ земляхъ круговая порука привела къ поземельному прикрѣпленію крестьянъ, такъ на земляхъ владѣльческихъ съсуда подготовила крѣпостное право». Посредствомъ съсудъ хозяйство расширялось и вмѣстѣ съ нимъ усиливалась и хозяйственная задолженность и закабаленіе крестьянина земледѣльцу-кредитору. Государственная власть и законодательство не устанавливали формально крѣпостной неволи, а слѣдили лишь за тѣмъ, чтобы крестьяне не перешли въ нетяглое, убыточное для казны, состояніе, и старались пресѣчь незаконное нарушеніе воз-

Характерно, что и «крестьянинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственныи мужъ» Посошковъ уже въ началѣ 18 вѣка отмѣчать прямую взаимозависимость между помѣщичьей службой государству и крестьянской зависимостью отъ «не вѣковыхъ» ихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ.

никавшихъ между сторонами частно-правовыхъ отношений. Это способствовало тому, что къ началу 17 вѣка среди землевладѣльцевъ окончательно укоренился взглядъ на крестьянъ, какъ на свою собственность. Въ первыя два десятилѣтія 17 вѣка, когда уже дѣйствовали всѣ экономическія условія неволи владѣльческихъ крестьянъ, не было еще юридической нормы, которая закрѣпила бы эту фактическую неволю. Эту «норму» Ключевскій формулируетъ такъ: «Крестьянинъ, рядясь съ землевладѣльцемъ на его землю со ссудой отъ него, самъ отказывался въ порядной записи навсегда отъ права какимъ-либо способомъ прекратить принимаемая на себя обязательства. Внесеніе такого условія въ порядную и сообщало ей значеніе личной крѣпости» *).

*) См. «Курсы русской исторіи» изд. 1923 г. Ч. II, стр. 384, 393, 401-407.

Взгляды Ключевского на задолженность крестьянъ, какъ на основную причину крѣпостной зависимости, ни для кого, конечно, не обязательны. Можно не раздѣлять мнѣнія, высказаннаго до Ключевского Ногодинымъ, а послѣ него защищавшагося Милюковымъ, Дьяконовымъ, Лапко-Данилевскимъ и др., что закрѣпощеніе крестьянъ подготавливалось эволюціей экономическихъ и бытовыхъ («старомодныхъ») отношений. Можно, вслѣдъ за Татищевымъ, Карамзиннымъ, Кустомаровымъ, Чичеринымъ, Соловьевымъ, Бѣляевымъ, Сергѣевичемъ, Платоновымъ и другими историками-государствовѣдами, утверждать рѣшающую роль прямого «кузнного» вмѣшательства государственной власти. Нельзя, однако, отрицать того, что новѣйшіе изслѣдователи, устанавливающіе, на основаніи новаго матеріала и архивныхъ документовъ активное вліяніе власти въ процессъ закрѣпощенія, отмѣчаютъ частно-хозяйственный интересъ, лежащій въ основѣ мѣропріятій власти: съ середины 16 столѣтія господская запашка стала расширяться, увеличилась нужда въ рабочихъ рукахъ, необходимо было предупредить входъ крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ-боярамъ. (См. у А. А. Кизеветтера: «Новѣйшія изслѣдованія по социальной исторіи Московскаго Государства» въ прошлой книгѣ «Современныхъ Занисокъ»).

Съ другой стороны, С. Б. Веселовскій въ Россіи и Ц. М. Одинецъ въ эмиграціи, независимо другъ отъ друга, отмѣтили громадную, едва ли не рѣшающую роль **вотчинной юрисдикціи** въ процессъ закрѣпощенія.

Ссылаясь на отдѣльныя замѣчанія В. Сергѣевича относительно того, что «сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находилось уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльцевъ» («Русскія Юридическія Древности» изд. 1902 г. Т. I, 367), оба историка согласно утверждаютъ, что вотчинный, т. е. **частно-правовой**

Не этой ли матеріальной ошибкой и упущеніемъ объясняется и та недооцѣнка реформы 61 г. и освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости, которая такъ характерна для всей юридической конструкціи Зайцева. Какъ ни нерѣшительно была проведена реформа, какъ ни была компромиссна, съ явнымъ креномъ въ пользу помѣщиковъ, какъ ни неудовлетворительно разрѣшала она вопросъ о землѣ, все же «цѣль великую» она порвала. Хотя порванная цѣль и ударила больно по мужику, но его вѣковой связанности съ бариномъ, какъ субъектомъ владѣнія имъ, все-таки конецъ былъ положенъ. Пусть звучитъ преувеличеніемъ комплиментъ Ростовцева Александру II — : освобождая крестьянъ, онъ будто бы создалъ русскій народъ! Пусть правъ Зайцевъ, когда, поправляя Ростовцева, онъ отмѣчаетъ, что реформа упразднила лишь основное препятствіе къ тому, чтобы народъ могъ сложиться въ націю. Но развѣ можно согласиться съ Зайцевымъ, что «главное еще не было сдѣлано»; что для созданія изъ крестьянина субъекта правъ и правовой личности необходимо было предварительно «реконструировать» все крестьянское правосознаніе, обезпечивъ «выходъ собственническому началу деревни»?!

*
**

К. Зайцевъ не пріемлетъ ни крестьянскаго «воспріятія» дворянскаго освобожденія, ни дворянскаго взгляда на свое освобожденіе отъ государственнаго тягла съ одновременнымъ сохраненіемъ въ частной собственности землю и душъ. Онъ пытается истолковать указъ о вольности дворянства по своему: какъ освобожденіе дворячъ лишь отъ «внѣземельной службы» государству, отъ ихъ

режимъ составляетъ основу, на которой различіе крѣпостныя отношенія и въ Западной Европѣ, и въ Россіи (См. С. **Веселовскій**: «Къ вопросу о происхожденіи вотчиннаго режима» въ «Запискахъ Института Исторіи» за 1926 г. — Ф. В. **Тарановскій**: «Элементы основныхъ законовъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича» Харбинъ 1928 г. — Д. **Одинецъ**: «Потеря права перехода владѣльческими крестьянами Московскаго государства» въ пражскомъ Сборникѣ, посвященномъ П. Н. Милюкову, 1929 г. и D. **Odinetz**: «Les origines du servage en Russie» въ последнемъ № «La Revue de l'Histoire du Droit Français et Etranger»).

новинности быть «мужами войны и совѣта», но не отъ земледѣльчески-хозяйственной обязанности. И тутъ онъ опять не различаетъ между поземельнымъ прикрѣпленіемъ власти и личными правами землевладѣльцевъ. Надѣленіе земель, какъ «жалованіемъ за службу, совершаемую внѣ земли», онъ считаетъ переходящимъ моментомъ въ крѣпостномъ строѣ. Между тѣмъ этотъ моментъ неизмѣнно сопутствовалъ крѣпостному строю, и самая помѣстная система создана была московской властью, какъ социальнo-экономическая опора внѣземельной службы, прежде всего военной, а затѣмъ и административно-приказной. Въ чемъ же смыслъ проводимаго Зайцевымъ различенія?

Продолжавшее надѣленіе землями и душами безъ тѣни публично-правовыхъ къ тому оснований и опредѣлило себою судьбу дворянскаго землевладѣнія. Неправомѣрность или незаконность такого надѣленія при сохраненіи крестьянской неволи болѣзненно воспринимало крестьянство. Это отлично понимали и крѣпостники-дворяне, когда, возражая противъ освобожденія крестьянъ, они, устами предсѣдательствовавшего въ главномъ комитетѣ кн. А. Ф. Орлова, «умоляли» царя «не открывать эры революціи, которая поведетъ къ тому, что дворянство лишится всякаго значенія и, быть можетъ, самой жизни, а его величество утратить престоль»... Этого упорно не хочеть и сейчасъ понять К. Зайцевъ.

Онъ признаетъ наличность рѣзкаго расхожденія правосознанія правящихъ круговъ Россіи и русскихъ народныхъ массъ. Но только въ отношеніи къ землѣ. Онъ и самъ упоминаетъ, что «дворянская свобода обернулась крестьянскимъ рабствомъ». Но ранить его правосознаніе не несправедливость и необоснованность дворянскихъ привилегій, а только то, что онъ не были «осмыслены» публично-правовымъ порядкомъ. И во власти навязчивой идеи, что вся бѣда отъ неправильной юридической уставки, онъ отказывается относить моментъ полнаго расхожденія дворянскаго и крестьянскаго правосознанія еще къ '8 вѣку.

Впрочемъ, морально-политически — а не историко-ислѣдовательски — главная ошибка Зайцева не въ этомъ. Она въ томъ, что оба разошедшихся «правосознанія» кифлифицируются имъ одинаково, какъ юридически репрезентивныя «максимализмы». Помѣщики думали: земля ни-

ша, а крестьянскіе дворы намъ не нужны; крестьяне въ свою очередь — земля наша, а помѣщики намъ не нужны. Пусть переходятъ на царское жалованіе!.. Правосознаніе Зайцева считаетъ и тотъ, и другой взглядъ одинаково неправомѣрнымъ.

Такъ ли это?

К. І. Зайцевъ не первый пересматриваетъ судьбы крестьянской реформы съ точки зрѣнія послѣдующаго опыта революціи. Не первый разсматриваетъ онъ и судьбы этой реформы преимущественно съ формально-правовой стороны. Съ той же правовой точки зрѣнія осудилъ реформу еще въ 1928 г. проф. Нольде въ своей книгѣ на французскомъ языкѣ «L'Ancien Régime et La Révolution Russes». По мнѣнію этого автора, русская власть совершила «споліацію» въ широкихъ предѣлахъ, «не произнеся этого слова, декларировала экспроприацію въ пользу крестьянъ значительной части помѣщичьихъ земель съ вознагражденіемъ, явно болѣе низкое, чѣмъ была ихъ реальная стоимость». «Представленіе о возобновляемыхъ предѣлахъ помѣщичьей и крестьянской земли глубоко запечатлѣлось въ сознаніи народныхъ массъ. Онѣ никогда не забудутъ, что государственная власть въ 1861 г. осуществила въ ихъ пользу значительную экспроприацію безъ соблюденія правъ существующей собственности. Онѣ никогда не поймутъ, почему эта мѣра не можетъ быть вновь принята, когда понадобится увеличить земельныя участки крестьянъ. Правительство не упуститъ ни одного случая, чтобы подчеркнуть окончательный характеръ реформы 61 года, но массы тѣмъ не менѣе останутся тверды въ своей вѣрѣ... Русскій крестьянинъ былъ коммунистомъ волею царя» (стр. 77-78).

Такъ далеко Зайцевъ не идетъ. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія Нольде: «творцы реформы проявили равнодушіе къ интересамъ русскаго дворянства, отказавшагося (!) въ пользу крестьянъ отъ своего феодальнаго права (почти совсѣмъ какъ въ ночь на 4-ое августа 1789 г. во Франціи! — М. В.) и даухъ трестей собственной земли». Зайцевъ съ полнымъ основаніемъ утверждаетъ какъ разъ обратное: «Великая реформа, сдѣлавъ рядъ уступокъ по существу, формально утвердила теорію дворянскаго максимализма». Но, вмѣстѣ съ Нольде, Зайцевъ убѣжденъ, что въ реформѣ 61 г. заложена была мина—идея чернаго передѣла. Черный передѣлъ былъ, по его мнѣнію, пр е с т

рѣшенъ въ тотъ моментъ, когда власть сказала, что земля дается крестьянамъ «для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ повинностей по отношенію къ государству и помѣщику, и когда они были вмѣстѣ съ тѣмъ прикрѣплены къ землѣ въ условіяхъ невозможности итти вглубь въ смыслѣ интенсификаціи земледѣлія». Отсюда Зайцевъ дѣлаетъ не тотъ выводъ, что крестьянъ надо было освободить отъ выкупа земли и дать имъ большіе наделы, а тотъ, что земель они должны были быть надѣлены не для «обезпеченія быта», а для свободнаго отчужденія надѣльной земли, которое открыло бы выходъ «собственническому началу деревни» и давало бы возможность «свободной мобилизаціи земли и свободной дифференціаціи крестьянства».

Потому и озабоченъ нашъ авторъ чисто формальнымъ размсжеваніемъ частно-правовыхъ интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ. Потому и указъ о трехдневной барщинѣ *), изданный за 64 года до реформы, является для него воплѣнъ достаточнымъ прецедентомъ — если хотите, своего рода «кассационнымъ рѣшеніемъ», — на которое онъ ссылается для разрѣшенія далеко не частно-правового только конфликта, а многовѣкового, социальнo-политическаго и морально-психологическаго между исконнымъ «монопольнымъ» землепашцемъ и исконнымъ душевладельцемъ. Та средняя, якобы правовая позиція — между двумя «максимализмами», которую пытается занять и отстаивать Зайцевъ, опирается на одіозныя привилегіи крестьянства, какъ на подлинныя, и на подлинныя сословно-классовыя привилегіи дворянства, какъ на соответствующія праву и правдѣ.

Между тѣмъ совершенно очевидно, что отношеніе къ землѣ, какъ къ нѣлевому объекту, какъ мѣсту приложения общественной службы и средству обезпеченія быта, интересовъ и труда большинства населенія, насквозь, конечно, пронизано идеей публичнаго права и права вообще. И въ идеѣ чернаго передѣла, которой въ теченіе вѣковъ заряжена была крестьянская, конечно, не только потребительская стихія, но и производственная, ибо она стремилась не только овладѣть землей, но и трудовымъ об-

*) Впрочемъ, Зайцевъ и самъ отмѣчаетъ, что фактъ перехода крестьянства съ оброка на барщину былъ «форменной ихъ *capitis diminutio*», вызывавшей съ ихъ стороны частыя бунты

разомъ ее использовать: «Земля Божья и Государева, а р оспаши и ржи наши!» — заложено было изначаль-но гораздо больше подлиннаго права, чѣмъ въ любезной Зайцеву предпринимательски-собственнической, по существу анархической стихии — «на вѣтру хозяйственной свободы».

**

Только подмѣнивъ подлинное право и свободу «безпечально-анархической» свободой «на вѣтру», могъ — ч долженъ былъ, конечно, — К. I. Зайцевъ въ столыпинскомъ общиноборствѣ усмотрѣть жалованную грамоту крестьянству, которую почему-то «не успѣла, да и не могла бы дать крестьянамъ Екатерина и которую не сумѣли дать крестьянамъ творцы великой реформы».

К. Зайцевъ хочетъ быть объективнымъ. Онъ рекомендуетъ не взваливать на общину то, въ чемъ она не повинна. Подворная система землевладѣнія съ ея стойкой черзполосницей ничѣмъ не была лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и хуже землевладѣнія общиннаго. Понимаетъ онъ и то, что при ничтожности земельных надѣловъ и огромности выкупныхъ платежей обнищаніе, какъ универсальный фактъ послѣреформеннаго землевладѣльческаго существованія, былъ неизбеженъ. И общинный порядокъ тутъ уже никакъ и ничѣмъ помочь не могъ. Община здѣсь не въ отвѣтъ, ибо она не причина, а — явленіе производное. Главное зло и пагубность общины Зайцевъ видитъ въ одномъ, — въ томъ, что практикой правленія она мѣшала накопленію все тѣхъ же искони благодатныхъ собственническихъ настроеній. Вотъ въ чемъ грѣхъ общины, какъ и грѣхъ всей реформы — въ томъ, что она не раскрѣпостила крестьянъ до конца, не поставила крестьянъ въ условія свободной конкуренціи съ дворянствомъ.

Это сдѣлалъ — во всякомъ случаѣ хотѣлъ сдѣлать — Столыпинъ, и, потому, онъ, а не названный Герценомъ царемъ-Освободителемъ Александръ II, и долженъ по всей исторической справедливости почитаться «подлиннымъ и окончательнымъ (такъ по крайней мѣрѣ казалось въ то время)» освободителемъ крестьянъ.

Въ изображеніи Зайцева фигура бывшего саратовскаго губернатора принимаетъ величественныя, эпическія,

даже полумистическія очертанія «личности», воплотившей въ себѣ и собою «милліоны слагающихся крестьянскихъ личностей» въ противовѣсъ безличному «океану людей», грозный шумъ котораго уже докатился до Таврическаго дворца и предостерегающе грозилъ: Земля наша и мы пришли ее взять, если можно, мирно и по закону, а, если не удастся, — по праву революціи!..

Сопоставленіе и противопоставленіе титанической личности Столыпина безличному русскому народу политически звучитъ настолько искусственно, что писательское чутье и чувство мѣры не могло имъ однимъ удовлетвориться. И почитаемую имъ личность Зайцевъ пробуетъ вдвинуть въ болѣе широкія, хотя бы и безличныя рамки. Онъ отказывается считать столыпинскую реформу одной только технической «мѣрой самозащиты» русской государственности (точнѣе было бы сказать: помѣстно-самодержавной власти) противъ «вздымающагося моря крестьянской темноты». Онъ отказывается ее «мельчить», сводя реформу къ агротехнической политикѣ насажденія отрубной и хуторской формъ хозяйства, или «еще болѣе мельчить», — сводя ее къ оцѣнкѣ тѣхъ приѣмовъ, иногда быть можетъ бюрократически торопавшихъ (?!)». Столыпинскія мѣропріятія Зайцевъ считаетъ необходимымъ вдвинуть въ планъ первой русской революціи!.. Не больше, но и не меньше! По плану Зайцева, Столыпинъ дитя и орудіе русской революціи, ибо планъ русской революціи, какъ его раскрываетъ Зайцевъ, — въ томъ, чтобы «создать изъ крестьянъ собственниковъ» и произвести «современническую реорганизацію крестьянства», хотя бы и вопреки волѣ и прямымъ заявленіямъ «океана людей».

Въ увлеченіи своимъ планомъ, планомъ, вложеннымъ имъ въ ходъ революціи, а вовсе изъ этого хода не вытекавшимъ, ибо и возникъ самый «планъ» только по окончаніи первой революціи 1905-1906 г. г. и ликвидированъ онъ былъ тотчасъ же, какъ вспыхнула революція 1917 г., — Зайцевъ доходитъ до совершенно поразительнаго умозаключенія. Оказывается, общинноеборство было «необходимой предпосылкой нашего конституціоннаго строя». И, разгоня первую Думу и, подъ провокаціоннымъ предлогомъ, вторую, произведя 3-яго іюня переворотъ и, всячески нажимая на законы, чтобы получить угодную ему и законопослушную третью Думу, Столы-

пинъ, оказывается, только авансировала политически задуманную имъ «реконструкцію всего крестьянскаго правосознанія» и «собственническую реорганизацію» Россіи!..

Возможна ли болѣе откровенная анологія двусторонняго насилія: насильничества политическаго для оправданія насилія и беззаконія въ области земельныхъ отношеній и обратно! Столыпинъ — рѣшительный противникъ прививки «чужеземнаго цвѣтка» къ національному русскому стволу; Столыпинъ, фактически надругавшійся надъ первыми и слабыми побѣдами полу-конституціи; этотъ Столыпинъ въ роли васады русскаго конституціонализма и свободы!.. Возможно ли болѣе превратно избранный ходъ русской исторіи, болѣе невѣрно распределить роли и отвѣтственность между историческими дѣятелями?!

Та якобы «мирная гражданская война», которую, по выраженію своего апологета, Столыпинъ внесъ въ деревню, — на самомъ дѣлѣ была самой подлинной гражданской войной. Помѣстно-дворянскій «геній» Столыпина сознательно направилъ ее изъ русла исконной социально-классовой борьбы крестьянъ противъ помѣщиковъ въ русло внутри-классовой борьбы крестьянъ — общинниковъ и подворниковъ — между собой. И тѣ 4,2 милліона крестьянскихъ дворовъ, которые въ итогѣ «блистательнаго и смутнаго» десятилѣтія, предшествовавшаго революціи 17 г., все-таки перешли къ подворному землевладѣнію принудительно или въ порядкѣ удачнаго исполненія случайной «конъюнктуры», безмѣрно отягчили ходъ революціи 17 г.

Устоявшая и отъ столыпинскаго законодательнаго нажима, и отъ «бюрократически-торопливыхъ» приемовъ его землеразорителей, община встрѣтила революцію 17 г., насчитывая 47,3% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ. Не забывъ своихъ историческихъ правъ, датировавшихъ иногда еще эпохой крестьянскаго освобожденія, могла ли она забыть и не взять реваншъ съ тѣхъ, кто поживился и укрѣпился въ минувшее лихолѣтіе, на кого, какъ на «сильныхъ и мощныхъ», ставилъ свою ставку Петръ Столыпинъ — окончательный освободитель крестьянъ, по Зайцеву, второй Петръ, по проф. Ильину² *). Едва ли не главная организ-

*) Изъ недавней лекціи о «Русскомъ національномъ характерѣ и его историческихъ корняхъ» идеолога русской монархіи И. А. Ильина мы узнали, что Россія имѣла дѣлать три великихъ Петра: Петръ I,

ющая сила въ деревнѣ въ моментъ разложенія государственной власти, община съ ея уравнильно-передѣльной горячкой во время революціи не остановилась на раздѣлѣ помѣщичьихъ земель. И большевицкіе декреты ея не удовлетворили: «не большевики писали, а граждане (т. е. горожане), которые мало понимаютъ въ этомъ дѣлѣ». Стали дѣлать и крестьянскую собственность. «Хохламъ» изъ Полтавы, купившимъ землю черезъ Крестьянскій банкъ въ Самарской губерніи, мѣстные старожилы напомнили: «Земля эта наша — нашего барина» (эпохи крѣпостного строя). Вспомнили и о тѣхъ, кто использовалъ конъюнктуру и нажимъ на законъ Столыпина.

Если Столыпинъ, дѣйствительно, руководился не ближайшими партійно-политическими цѣлями, личными и групповыми, а, какъ увѣряетъ его почитатель, преслѣдовалъ задачу «реконструкціи всего крестьянскаго правосознанія», эта задача и была величайшей, фантастичнѣйшей и вреднѣйшей утопіей. Это было видно и въ эпоху «блистательнаго и смутнаго» десятилѣтія, предшествовавшаго и обострившаго ходъ революціи 17 года. Въ 17-мъ году это стало очевиднымъ. Это подтвердила и практика 1918-1920 г. г. и съ 28 г. по наши дни, когда нажимъ на крестьянское правосознаніе и попытка его «реконструировать» въ желательномъ для себя направленіи были сдѣланы большевиками въ масштабахъ и формахъ, по сравненіи съ которыми столыпинская затѣя кажется изящной и гуманной миниатюрой.

К. Зайцевъ совершенно послѣдователенъ, когда утверждаетъ, что «на всемъ протяженіи многихъ вѣковъ было лишь два болѣе или менѣе свѣтлыхъ промежутка», когда русскій народъ увидѣть «личную свободу примѣнительно къ землѣ». Это — извѣстное уже намъ десятилѣтіе до революціи и «нѣсколько неясныхъ, смутныхъ, колеблющихся лѣтъ господства НЭП-а». Зайцевъ варьируетъ здѣсь Нольде и его персональное сопоставленіе «великаго министра» Столыпина и «настойчиваго и логичнаго», «не-

Петръ Столыпинъ и Петръ Врангель Поясняя свою характеристику этихъ грехъ устойеъ русской государственности выразительной жесткостью — для глухо-нѣмыхъ, — ораторъ подчеркнуть и различія грехъ фигуръ «Петръ — скала, Столыпинъ — сверто, Врангель — вихрь»

) «Какъ я дѣлалъ землю» въ «Русской Мысли» за 1924 г. Кч.

смущавшагося доктринерскими возраженіями» Ленина, «двухъ людей въ Россіи, которые сумѣли извлечь урокъ изъ аграрнаго движенія 1905-6 г.» и правильно учесть «анархически-соціалистическую» природу русскаго крестьянства (цит. с. стр. 158)...

Но до чего въ такомъ случаѣ нелѣпа и случайна вся русская исторія! Или, что гораздо правдоподобнѣе, до чего безнадежна такая исторіософическая установка въ отношеніи къ русскому прошлому! До чего безперспективна она и въ отношеніи къ будущему!

Новѣйшая крестьянская и землеустроительная политика большевиковъ возвращаетъ ихъ къ февральскимъ декретамъ 19 г. и «государственному регулированію сельскаго хозяйства» января 21 г. Крестьянъ же она возвратила къ жесточайшему личному закрѣпощенію въ качествѣ нужной для власти рабоче-земледѣльской силы и прикрѣпленію къ землѣ въ интересахъ «отечества рабочихъ и крестьянъ». Какъ могутъ, крестьяне противятся — до вооруженнаго сопротивленія съ «обрѣзомъ» въ рукахъ — большевицкой «реконструкціи» ихъ «кулацкаго» правосознанія. Крестьянскій черепъ отъ природы, конечно, не коллективистиченъ и не анти-коллективистиченъ. И черепъ русскаго крестьянина, вопреки мнѣнію русскихъ исторіософовъ разныхъ направленій, не многимъ отличается въ этомъ отношеніи отъ крестьянскихъ череповъ другихъ народовъ. Но когда крестьянскую волю гнуть, она упирается, — тянетъ въ противоположную сторону, гнетъ свою линію. Это происходитъ всегда и повсюду. Въ Германіи и Ирландіи, въ Италіи и Венгріи такъ же, какъ и въ Россіи, въ помѣстно-крѣпостномъ строѣ такъ же, какъ и въ строѣ совѣтско-крѣпостномъ. Всякое насильственное давленіе вызываетъ отталкиваніе, это — такой же законъ человѣческой психологіи, какъ и бездушнѣйшей физики и механики. Насильственное обезземеливаніе и коллективизація не могутъ, конечно, не взростить и укрѣпить тягу къ индивидуальному землеустройству и землевладѣнію, не могутъ не извратить пагубно общественнаго землепользованія и хозяйствованія. Утопія «реконструировать» правосознаніе отместить за себя.

Какъ можно себѣ представить земельныя судьбы будущей Россіи, учитывая, что насильственная коллективизація, особенно въ районахъ, такъ называемой, сплошной коллективизаціи уничтожила всѣ частныя межи на протя-

женіи огромныхъ пространствъ? Какъ найдутъ себѣ выходъ собственническіе инстинкты, несомнѣнно за годы большевицкаго властвованія окрѣпшіе въ крестьянствѣ? Розыскать былъ ой участокъ землевладѣнія будетъ вѣдь не многимъ легче, чѣмъ найти былую и перемѣщенную часть оборудованія или машину съ завода. Продавать земельный фондъ съ публичнаго торга? Или сдавать лати-фундіи концессіонерамъ?

И сейчасъ споръ уже не можетъ итти о преимуществахъ и недостаткахъ единоличнаго или общиннаго землевладѣнія. И въ будущемъ вопросъ станеть не о преимуществахъ индивидуальнаго и коллективнаго землепользованія. Споръ пойдетъ о томъ, какъ совмѣстить личное и общее раскрѣпощеніе съ «наѳосомъ» частнаго хозяйствованія и увеличеніемъ продукціи страны въ интересахъ трудящихся на землѣ и государства въ цѣломъ. И выходъ тутъ возможенъ лишь въ сторону «затвердѣнія» фактическихъ земельныхъ владѣній при одновременномъ развитіи и усложненіи всѣхъ видовъ свободнаго кооперативнаго объединенія занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ ни отвратительна насильственная «тракторизація», но надо понимать, что, войдя въ русскую деревню, она въ ней, конечно, не въ «большевицкихъ темпахъ и масштабахъ», все же останется. Этимъ предрѣшанъ и «укрупнѣніе» землепользованія.

Тотъ земельный узелъ, который завязанъ былъ въ русской исторіи властью и вотчинно-помѣстнымъ землевладѣніемъ; который не сумѣла развязать русская историческая власть до самаго дня своего крушенія, несмотря на всѣ отпущенные ей длиннѣйшіе сроки, и который Столыпинымъ былъ только запутанъ: этотъ узелъ большевицкая власть и не думала развязать однообразно и послѣдовательно. Судьбы крестьянства и судьбы земли вообще интересовали большевицкую власть только во второмъ счетѣ, не сами по себѣ, а лишь въ связи съ ея собственной судьбой, съ необходимостью индустриализовать городскую промышленность и «детонировать» мировую революцію.

...Двуногихъ тварей миллионы
Для нихъ орудіе одно.

Ни патриоты-государственники, ни реакционеры, скрытые или явные, ни консервативные либералы, ни либеральные консерваторы, ни большевики не нащупали подлинный жизненный нервъ русской государственности и русской исторіи. Нащупали и уловили основную линію русскаго историческаго процесса подпольные крамольники и разночинцы, изблнчавшіеся и справа (государственниками всѣхъ мастей), какъ нигилисты и анархисты, и слѣва (марксистами всѣхъ толковъ), какъ самобытничующіе субъективисты. Какое возможно большее самоуничтоженіе для сторонника исторической власти; чѣмъ признаніе, которое вынужденъ сдѣлать К. Зайцевъ: только революціонная теорія додумала до конца то, что, по его мнѣнію, осуществляло консервативное правительство и о чемъ мечтательно разсуждала либеральная общественность?!

Сочетаніе «Земли и Воли» не было вовсе выраженіемъ «нѣкагого безпечально-анархическаго состоянія, когда земля вдоволь, а обязанностей никакихъ», какъ представляются Зайцеву крестьянскія настроенія «испоконъ вѣковъ». Оно было внутреннимъ и органическимъ сочетаніемъ политически-гражданскихъ правъ съ правами имущественными, личнаго, потребительскаго и производственнаго, интереса съ интересами общества и государства. И основная правда народничества, и только его одного, состояла въ томъ, что оно не протнвополагало власти — народу и «великодержавнаго самоутвержденія Россіи» — личной свободѣ, а сливало то и другое воедино. Не приходилось ему противопоставлять отдѣльныхъ классовъ и сословій ни государству, ни народу. И это совершенно естественно. Ибо представители дворянскихъ или пролетарскихъ интересовъ, только выдавъ интересы своего класса или сословія, т. е. меньшинства, за интересы цѣлаго, могли претендовать на водительство Россіей. Для народничества же — и въ этомъ причина заложенной въ немъ живучести и силы — интересы цѣлаго, государства, сливались съ интересами большинства, съ численно-господствующимъ классомъ трудящихся и, въ первую очередь, крестьянства.

Соціальная природа всѣхъ партій, притязавшихъ и притязавшихъ на власть и руководство, толкаетъ ихъ къ диктатурѣ и насилію большинства надъ меньшинствомъ. Соціальная природа народничества свободна отъ этой на-

обходимости и потому изначально и органически демократична.

И не случайно Г. П. Федотовъ, защищая диктатуру во имя демократіи, отрицаетъ существованіе въ Россіи «порода» — остались теперь одни лишь «хлѣборобы» и «работники земли и дѣса» — и болѣе, чѣмъ скептически, относится къ народничеству...

2. О власти.

Не скажу, чтобы апологія диктатуры была знаменіемъ времени. Но печатью злободневности и терминологическаго модернизма несомнѣнно отмѣчены и характеристика помѣстно-крѣпостного строя Московской Руси, какъ «наиболѣе цѣлесообразнаго воплощенія хозяйственной диктатуры», и допущеніе возможности преодолѣть диктатуру ВКП средствами новой диктатуры, съ сохраненіемъ «символики Октября» или безъ оной.

Я не буду возвращаться къ сравнительно-историческимъ параллелямъ и политико-правовымъ соображеніямъ, изложеннымъ мною въ специальной статьѣ «О диктатурѣ» въ № 39 «Соврем. Записокъ». Ограничусь только тѣмъ, что въ разсужденіяхъ Г. Федотова выходитъ за предѣлы предусмотрѣннаго и разобраннаго въ указанной статьѣ.

«Гаданія о будущемъ» Федотова исходятъ отъ неизбѣжности диктатуры, какъ отъ «общей предпосылки». Эта общая предпосылка въ свою очередь покоится на двухъ другихъ, менѣе общихъ, но не менѣе бездоказательныхъ и невѣрныхъ.

Г. П. Федотовъ рискуетъ утверждать, что за 13 лѣтъ большевицкой диктатуры русскій народъ «явилъ разительныя доказательства безсилія защищать свою волю и свое право». Народъ не пошевелилъ пальцемъ, чтобы защитить избранное имъ Учредительное Собраніе. Онъ позволяетъ говорить отъ своего имени продажнымъ и вральдебнымъ ему отщепенцамъ. Онъ живетъ въ режимѣ неслыханнаго террора, «едва ли сознавая (!) исключительность этого положенія. Онъ даетъ энергичному меньшинству мять себя, какъ глину, вить изъ себя веревки».

Не стану доказывать подробно, насколько неосновательна, подсказана политическими мотивами и искажает фактический ход событий распространенная в большевицких и правых кругах легенда, что Русское Учредительное Собрание не удалось потому, что народъ его не поддержалъ. «Учредилка» была и остается одинаково ненавистой — какъ реальность и какъ символъ — для члущихъ дѣло Ленина 6 января 18 г., какъ и для почитателей омскаго дѣла Колчака 18 ноября того же года. И въ этомъ, я сказалъ бы, высшее оправданіе Учредительнаго Собранія, его историческая заслуга въ прошломъ и предъказаніе пути для будущаго.

Сказать, что народъ не пошевелилъ пальцемъ для защиты Учредительнаго Собранія, значитъ не только пройти мимо факта волжской эпопеи гражданской войны; это значитъ и морально остаться равнодушнымъ и скинуть со счетовъ, какъ невѣсомую величину, слезы и кровь, обильно пролитыя въ борьбѣ за «Учредилку», какъ знамя народоправства и освобожденія отъ большевицкаго насилія. Сейчасъ уже нѣтъ необходимости доказывать, что поддержка народа и сопротивленіе большевикамъ на фронтѣ Учредительнаго Собранія были, хоть и недостаточны, но серьезны. Ибо взятому изъ головы — или изъ легенды — сужденію Федотова достаточно противопоставить вражеское и запоздавшее, но компетентное и убѣдительное свидѣтельство былаго «военмора», на личномъ опытѣ познавшаго силу сопротивленія волжской «народной арміи».

«Все осыпалось, не за что было зацѣпиться, положеніе казалось непоправимымъ». «Въ теченіе мѣсяца здѣсь (подъ Казанью) рѣшалась заново судьба революціи (октябрьской)... Многого ли въ тѣ дни не хватало для того, чтобы одрокинуть революцію?.. Здѣсь (подъ Свияжскомъ) судьба революціи въ наиболѣе критическіе моменты зависѣла отъ одного баталіона, отъ одной роты, отъ стойкости одного комиссара, т. е. висѣла на волоскѣ. И такъ изо дня въ день» (Л. Троцкій: «Моя жизнь». Т. II, 125-6).

И если Октябрь все же былъ «спасенъ», виною тому — или причина — не народъ; во всякомъ случаѣ — не только народъ... Чтобы имѣть право это утверждать, достаточно, повторю, знать послѣдующія событія. И зная эти событія — роль омскаго переворота въ разложеніи про-

тибольшевизкаго фронта и связанную съ этимъ активность «партизанъ» въ Сибири и «зеленыхъ» на югѣ Россіи; зная о тамбовскомъ движеніи и Кронштадтѣ; о кавказскихъ возстаніяхъ и повстанцахъ туркестанскихъ и дальневосточныхъ; словомъ, о всей непокорной и искони «бунташной» Россіи, сопротивляющейся въ одиночномъ порядкѣ и въ массовомъ, неорганизованно и на авось, съ «обрѣзомъ» въ рукахъ прокладывающей себѣ путь, когда прямой вылазкой, а чаще тихой сапой, — зная всѣ эти и другія «разительныя доказательства», можно ли думать, что русскій народъ не осозналъ «исключительности своего положенія»? Справедливо ли утверждать, что народъ даетъ мять себя, какъ глину, вить изъ себя веревки?!

Въ этомъ больномъ и общемъ вопросѣ, конечно, растворяется частный — о поддержкѣ Учредительнаго Собранія. И тутъ я могу лишь полностью присоединиться къ патетической отвѣди, данной недавно, по другому, правда, поводу, А. Ф. Керенскимъ. Спекулирующимъ на «восточной пассивности» и приверженности русскихъ варваровъ къ «ханскому кнуту и царскому хлысту», Керенскій поставилъ прямой вопросъ: «Ну, а никогда не прекращавшіяся казни, ссылки, высылки, каторги, тюрьмы, Соловки, сибирскія тундры, туркестанскія степи, вереница безвѣстныхъ могилъ, тысячи бѣгуновъ на всѣхъ границахъ государства, — что же, это все доказательство приобщенныхъ русскому народу рабскихъ качествъ?.. Достаточно только сравнить дѣйствительно внутреннее спокойствіе, которое царитъ (за рѣдкими и немногими исключениями) въ странѣ диктатуры Муссолини, для того, чтобы изъ нашихъ устъ прозвучалъ достойный отвѣтъ всѣмъ этимъ безчисленнымъ клеветникамъ Россіи!» («Дни» отъ 15-II 931).

Народъ не приходится обвинять въ пассивности и слабости его отпора сталинской диктатурѣ, утверждающей себя на все новыхъ и свѣжихъ потокахъ «горячей крови человеческой». Этотъ отпоръ въ своемъ напряженіи превосходитъ многіе въ исторіи человечества. И главная причина неудачи, конечно, въ томъ, что нынѣшняя «техническая и машинная сопротивляемость власти» превосходить тоже всѣ извѣстные исторіи образцы.

Превратное представленіе Фелотова о послѣднемъ 13-

лѣтѣ русской истории — его большая посылка — питать и то отчаяніе, съ которымъ онъ конструируетъ будущее Россіи — свою малую посылку.

**

Пассивность массъ дѣлаетъ неизбежной диктатуру въ будущемъ такъ же, какъ анархія тѣхъ же массъ дѣлала ее неизбежной въ прошломъ, когда Ленинъ оказался предустановленнымъ исторіей «злымъ смирителемъ» «дикой воли» русскаго народа. Пассивность, какъ и анархія, до извѣстной степени и оправдываетъ для Федотова диктатуру. Ибо «если власть не можетъ опираться въ своей самозащитѣ на правовое чувство націи, она вынуждена опереться на силу... Диктатура въ Россіи вызывается тѣми же причинами, которыя дѣлали необходимымъ въ теченіе столѣтій самодержавіе».

Ну, а куда дѣлись и какъ быть съ «причинами», которыя, въ итогѣ ряда столѣтій и несмотря на нихъ, «сдѣлали необходимымъ» взрывъ самодержавія?.. Наличие такихъ причинъ Федотовъ принципиально не отрицаетъ. Но дѣйствие ихъ онъ откладываетъ на болѣе отдаленный срокъ, до своего рода «второго будущаго». Современное поколѣніе обрекается Федотовымъ на гибель. Окончательно и безповоротно. «Поколѣніе, 13 лѣтъ пресмыкающееся передъ Че-Ка, никогда не будетъ свободнымъ. Свобода можетъ быть лишь надеждой (!) его дѣтей».

Сейчасъ живущій, оставь мысль о свободѣ навсегда!..

Свободы не хотятъ, если вѣрить Федотову, массы. Ее перестали «понимать» классъ полуинтеллигенціи, смѣнившій былую интеллигенцію, еще недавно Федотовымъ изобличавшуюся, а нынѣ признанную «одушевленной почти религіознымъ паѳосомъ свободы». Чувство свободы полностью «вывѣтрено». Молодежь въ Россіи поражаетъ «неспособностью цѣнить свободу». Рассчитывать не на кого. «У свободы въ Россіи, виѣ малаго круга старой интеллигенціи, нѣтъ никакихъ защитниковъ».

Ave, Libertas, morituri te salutant!..

Возможно ли что-либо болѣе безнадежное? Можно ли съ большимъ отчаяніемъ въ душѣ повторять незвучація вѣрой въ успѣхъ и, въ этомъ смыслѣ, пустыя и бессодер-

жательныя слова о свободѣ?! Въдь это уже не самоотреченіе, котораго требуетъ Федотовъ въ силу «разбитыхъ иллюзій и страданій родины». Это отрицаніе главнаго и священнаго, чѣмъ единственно только и можно оправдывать какія-либо иллюзіи и чьи бы то ни было страданія. Если и это отрицать, — какой смыслъ вообще въ политической борьбѣ? Не остается ли единственный «долгъ» — отказаться отъ борьбы, какъ безнадёжной и для современнаго поколѣнія безсмысленной. Ибо и при самой благопріятной комбинаціи обстоятельствъ Федотовъ общается лишь смѣну одной диктатуры другой, которая вынуждена будетъ, какъ и нынѣшняя опираться на силу за полнымъ отсутствіемъ «правового чувства націи». Эта диктатура «причинно-необходимая» — вслѣдствіе внутренняго порока массы, ихъ пассивности и неразвитости, — можетъ превратиться, по мнѣнію Федотова, и въ «необходимость цѣлесообразную» по мотивамъ государственнаго единства. «Россія не можетъ въ ближайшіе годы позволить себѣ роскошь свободной политической борьбы»...

Взамѣнъ большевицкой диктатуры Федотовъ сулитъ другую диктатуру, правда, съ другими цѣлями *) и болѣе мягкую по формѣ.

Диктаторъ или диктаторы не могутъ быть заранѣе предуказаны или избраны. Здѣсь все принадлежитъ безраздѣльно — историческому счастью, року или Providѣнціи» (съ заглавной буквы). Единственное, что Федотовъ твердо знаетъ, это — что «власть въ Россіи будетъ принадлежать лицу или группѣ лицъ, которыя будутъ править ею фактически независимо отъ выраженной народной воли». Онъ допускаетъ, что это будетъ диктатура той же ВКП, ставшей уже «псевдо-коммунистической» пар-

*) Ту же ошибку допускаетъ и А. Керенскій, когда пробуетъ провести различіе между революціей и реакціей (въ его терминахъ — Февралемъ и Октябремъ) не по методу управленія, а по его цѣлеустремленности: если цѣлью диктатуры, какъ власти переходнаго времени, явится народовластіе и утвержденіе хозяйственной, гражданской и политической свободы, то и диктатура будетъ революціонной и освободительной (См. «Дни» № 111) — Вопросъ о диктатурѣ подвергся подробному обсужденію и на собраніяхъ «Дней». Оно очень поучительно съ психологической точки зрѣнія (ср. отчеты въ № № 115, 116 и 118 «Дней» за 1931 г.).

тій и постепенно становящейся не партійной, а единичной. Во всякомъ случаѣ фашистско-евразійскій проектъ смѣны коммунистической диктатуры диктатурой национально-русской партіи, съ сохраненіемъ нынѣшней политической системы, Федотовъ рѣшительно отвергаетъ. Онъ считаетъ этотъ проектъ «наиболѣе утопическимъ и наиболѣе вреднымъ вариантомъ русской диктатуры».

Можно было бы только привѣтствовать такое рѣзкое осужденіе, если-бы въ данномъ отрицаніи русскаго варианта фашизма не лежало бы по существу то самое, на чемъ утверждаетъ себя и свою волю къ власти подлинный фашизмъ.

О мѣрѣ и повоенномъ поколѣніи въ Европѣ Муссолини говоритъ почти тѣми же словами, что Федотовъ о Россіи и современномъ поколѣніи русскихъ. «Мѣръ усталъ отъ свободы», — возвѣстилъ міру Муссолини. «Теперь свобода уже перестала быть той непорочной и строгой дѣвой, ради которой боролись и гибли поколѣнія второй половины прошлаго вѣка. Для взволнованной и суровой молодежи, вступившей въ жизнь въ утреннихъ сумеркахъ новой исторіи, имѣются другія слова, вызывающія болѣе высокое обаяніе: порядокъ, іерархія, дисциплина»... «Никто не опредѣлилъ, что такое народъ». И т. д.

Развѣ не та же «усталость» русскаго народа лежитъ въ основѣ всего построенія Федотова? Не то же «непониманіе» свободы взволнованной и суровой русской молодежью? Пусть Муссолини положительно оцѣниваетъ усталость міра отъ свободы, тогда какъ Федотовъ скорбитъ объ утратѣ русскими массами и молодежью чувства свободы. Что роднитъ высказыванія того и другого, это — согласное установленіе несуществующаго въ мѣрѣ и въ Россіи факта (усталости) и утвержденіе на этомъ фактѣ принципа диктатуры.

Намѣренія у Федотова, конечно, самая лучшія, — анти-большевицкія и анти-фашистскія. И «блага Россіи» онъ видитъ въ томъ, чтобы грядущая диктатура имѣла демократическое содержаніе, т. е. поставила своей цѣлью привести народъ къ демократіи. Онъ даже настолько цѣнитъ демократическія начала, что никакъ не соглашается на ихъ «извращеніе». Цинизмъ предпочтительнѣе лицемерія. И полное отсутствіе парламента лучше парламента «подкупленнаго», какъ и отказъ отъ выборовъ предпочтительнѣе

выборовъ «подтасованныхъ». Не будемъ оспаривать этотъ доктринерски-максималистическій, напминающій ибсеновскаго Бранда, подходъ къ политическимъ реальностямъ. Скажемъ только, что, если цѣль диктатуры — сдѣлать себя ненужной, этимъ до конца отличается внутренняя безцѣльность диктатуры. Но этимъ, увы, никакъ не обезпечивается, что диктатура достигнутая на самомъ дѣлѣ признаетъ себя ненужной. Какъ правило, ни одна диктатура не можетъ жить и творить государственную жизнь, вдохновляясь идеей о самоубійствѣ. Каждое учрежденіе и, конечно, диктатура имѣетъ логику внутренняго своего развитія, накапливаетъ въ себѣ инерцію движенія и сопротивленія. Нѣтъ, поэтому, рѣшительно никакихъ основаній предполагать, что диктатура въ Россіи, которая смѣнитъ нынѣшнюю, почему-то не послѣдуетъ общему закону развитія диктатуры.

Психологія отчаянія черѣдко порождаетъ пересѣнку силы, даже цѣлую идеологію силы отъ безсилія. И въ такомъ случаѣ политическіе расчеты по необходимости связываются съ пассивнымъ ожиданіемъ исторической удачи, «счастья, рока или Провидѣнія». Не вѣря въ творческія силы народа; опредѣленно пугаясь «демократическаго разлива, который грозитъ затопить въ Россіи всѣ культурныя цѣнности»; отрицая самое существованіе теперь народа и будущую «пореволюціонную Россію» представляя себѣ въ образѣ «отяжелѣвшей, грубой, въ алчности земного хлѣба и въ гордости земного могущества»; — можно ли, не то что звать къ активной политикѣ, но даже говорить о политикѣ вообще? Не очевидно ли, что именно въ личной психологіи пассивнаго отчаянія и выжиданія перемены счастья, рока или воли Провидѣнія и коренится исходно-невѣрный и несправедливый упрекъ въ пассивности другихъ, «ихъ» — массу, полуинтеллигенціи, молодежи, всего русскаго народа...

Политика — не чистое «долженствованіе», но она въ то же время и не фатальный «рокъ» или «желѣзная» необходимость, исключаящая всѣ другія, въ томъ числѣ и болѣе благоприятныя возможности. Чтобы привести въ движенію волю, необходимо открыть пути для ея дѣйствія, а не запираеть всѣ выходы безпросвѣтнымъ отчаяніемъ. Лишь выборъ возможностей способенъ склонить къ политической активности и тѣмъ самымъ отклонить и будущее въ ту или другую сторону. Со смертѣю

въ душѣ, дѣйствительно, только и остается, что строить «планы утопіи, въ которой нѣтъ счета ни поколѣніямъ, ни вѣкамъ», — планы «оцерковленія жизни» въ формѣ «православной теократіи».

*
**

Отвратить отъ большевицкаго и фашистскаго соблазна, увести души, уже соблазнившіяся, способна лишь идея качественно и принципиально отличная отъ большевизма и фашизма. Диктатура же, — какъ и Совѣты, — какъ ни облагораживай и выхолащивай ихъ, слишкомъ интимно и нераздѣльно слиты съ большевизмомъ. Признаніе благой диктатуры есть уже косвенное оправданіе и диктатуры злой. Допущеніе историко-политической цѣлесообразности диктатуры въ будущемъ есть уже морально-правовая капитуляція передъ диктатурой сущей. И пусть не говорятъ: лучше демократія чрезъ диктатуру чѣмъ — диктатура чрезъ демократію!. Диктатура не есть путь къ демократіи особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда диктатура уже дана, и путь начинается съ отталкиванія отъ существующей диктатуры, какъ данной.

Кто не говоритъ сейчасъ о свободѣ и демократіи. О свободѣ говоритъ даже нововременецъ Салтыковъ. Демократіи присягаетъ сейчасъ и передовикъ «Возрожденія»: и для него «вопросъ теперь можетъ идти только о формахъ демократизма». И для К. І. Зайцева дорога свобода. Только онъ не можетъ ее оторвать, какъ и П. Б. Струве, отъ собственности. Больше того: безъ личной собственности для нихъ обоихъ вообще не осуществима никакая свобода; не можетъ быть ни чувства родины, ни сознательнаго патріотизма. Въ институціяхъ Гая и у англійскаго юриста 16-17 в. Кока ищетъ Струве основанія къ тому, чтобы и въ нашу эпоху утверждать, что политическая свобода голько «преображеніе, сублимація или благороднѣйшая вытѣжка изъ свободы хозяйственной»...

Достаточно внимательно прислушаться къ подлиннымъ зовамъ времени; вдуматься въ то, куда міръ идетъ -- куда ему только и осталось идти, — чтобы сказать твердо себѣ и другимъ, что только на путяхъ свободы и права можетъ

расчитывать и міръ и Россія обрѣсти желанный для нихъ миръ. Лишь полная увѣренность въ томъ, что не будетъ хуже того, что есть, способна двинуть на рискъ и жертвы. Потому такъ и вредны всѣ двусмысленныя формулы и призывы. Уводя души отъ коммунистической диктатуры, нельзя связывать этотъ уводъ съ постылой диктатурой. Мертвый призракъ убьетъ и самый живой и пламенный призывъ.

М. В. Вишнякъ.